

**ЛИЧНОСТЬ АВТОРА
В ПЕРВЫХ СЛОВАХ ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО
НА МОГИЛЕВСКО-БЕЛОРУССКОЙ ЕПИСКОПСКОЙ КАФЕДРЕ**

С. Э. Сомов

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, somov72@mail.ru*

В статье анализируются первые храмовые проповеди белорусского епископа Георгия Конисского, произнесенные им в воскресные дни ноября 1755 г. по приезде к месту своего архиерейского служения в г. Могилев. В контексте решения вопроса о личности автора художественного произведения, в данном случае – оратора-проповедника, указанные слова представляют наибольший исследовательский интерес, поскольку в них Конисский рассуждает о себе как епископе, о своей должности и тех задачах, которые стоят перед ним в отношении к пастве.

Ключевые слова: Георгий Конисский; епископ; слово; проповедь; личность автора.

Георгий Конисский приехал в Могилев в ноябре 1755 г. в качестве нового белорусского епископа, поскольку в те времена Могилевская епархия была единственной православной епархией на белорусских землях и поэтому имела статус Белорусской. Прибыл он на наши земли с поста ректора Киево-Могилянской академии, будучи уже весьма опытным проповедником, не только потому, что как профессор преподавал теорию искусства, философию и богословие в академии, но и потому, что много проповедовал в Киеве, будучи несколько лет проповедником Киево-Печерской лавры, а затем настоятелем Киевского училищного монастыря.

До нас дошли тексты первых трех проповедей, сказанных Георгием в Могилеве с амвона Богоявленской церкви Братского монастыря в первые три воскресных дня по приезде в Беларусь (ранее на белорусских землях Конисский, будучи уроженцем Нежина и воспитанником Киева, никогда не бывал): «Слово при вступлении на паству», «Слово в неделю 23-ю» и «Слово в неделю 24-ю» (имеются в виду недели по Пятидесятнице или Троице в связи с особенностями православного церковного календаря, литургически выделяющего в году два разновеликих отдельно исчисляемых периода: от Пасхи до Троицы и от Троицы до Пасхи) [1, с. 53–73]. В плане постижения личности автора данных произведений и его позиции по отношению к слушателям или читателям указанные

произведения наиболее интересны тем, что новизна иерархического положения и новизна состава слушателей подтолкнула Конисского своеобразно представиться людям, которых он видел в первый раз, уяснить для себя и растолковать им свою позицию епископа-проповедника. В этих словах он говорит о себе, о своей должности и об отношении к «Высшему Автору», к его Божественному Слову, которое вслед за апостолами-евангелистами призван проповедовать епископ.

Поскольку «Слово при вступлении на паству» посвящено не традиционному комментарию на евангельское чтение за Божественной литургией (речь идет о классической храмовой гомилии), а особенному поводу – приезду в город нового епископа, Конисский не предпосылает произведению обычный для его слов эпитафия из Священного Писания, являющийся по сути тезисом, доказательством которого выступает весь последующий текст, но оратор уже в первом абзаце, во вступлении к слову, сразу же формулирует его тему: «Первое слово к вам, благочестивые слушатели, Христовы людие, разсудил я сказать о себе самом. А что могу вам о себе сказать? Стану ли мудростию моею хвалиться, или силою и благородством величаться? Слышу, что учитель языков, Апостол Павел Коринфяном говорит: яко не мнози примудри по плоти, не мнози сильни, не мнози благородни: но буяя мира избра Бог, да посрамит крепкая, и худородная мира и уничиженная избра Бог, и не сущая, да сущая упразднит, яко да не похвалится всякая плоть пред Богом» (1 Кор. 1, 26–29) [1, с. 53] (здесь и далее цитаты приводятся в орфографии и пунктуации оригинала).

Так Георгий не только сообщает собравшимся о теме своего слова, но и снимает определенный неловкий, с христианской точки зрения, момент. Он вполне осознает, что в длинном ряду могилевских епископов от основания кафедры таких именитых и авторитетных людей, как он, фактически не было. Если бы автор слова стал говорить о себе, реально представляясь слушателям как личность, то в их восприятии сформировалось бы вполне адекватное впечатление о превосходстве этого человека над всеми собравшимися в храме и, более всего, над всеми пасомыми в его Белорусской епархии, поскольку по происхождению Георгий был из нежинских дворян (его отец избирался даже бургомистром города); получил академическое образование в ведущем учебном заведении Украины – Киево-Могилянской академии; владел восьмью современными и древними языками; был профессором трех академических кафедр и автором оригинальных трудов по поэтике, философии и богословию; ректором академии, членом Киевской духовной консистории, настоятелем Киевского училищного монастыря и др. Все это по меньшей мере звучало бы нескромно, если учесть, по словам самого же Георгия, что

Апостолы Христовы ничем таковым не могли похвалиться, поскольку были всего лишь «рыбари, делатели шатров, мытари», т. е. совсем не знатные и не образованные люди, которые тем не менее стали сосудами для мудрости более высокого уровня – небесной, Божией [1, с. 53].

Автор принимает решение повествовать не о себе, а «о должности собственной», т. е. о призвании и служении епископа, о тех задачах, которые стоят перед ним в начале столь ответственного поприща, и о тех путях, способах, которыми он намерен эти задачи решать. Таким образом возникает элемент отстраненности, позволяющий автору говорить о себе достаточно объективно, глядя на себя со стороны лишь как на одного из многих архиереев, перед которыми стоят сходные задачи. Главные из них – быть достойным учителем, стражем простому народу и проповедником Слова Истины.

«Должность моя, – заключает Георгий, – как вы сами видите, есть учительская: а учителя добрые и не лукавые себе первее учат, нежели других; своему уху, яко ближайшему, наперед проповедают, нежели чужим; свою целость наперед соблюдают, нежели сторонних. Но горе учителю тому, который, проповедавая, как Павел сказует, не красти, сам крадет; глаголяй не прелюбы творити, сам прелюбы творит; в законе хвалится, а преступлением Закона Бога безчестует! (Римл. 2, 22–23). Стыдно будет, когда ученики его скажут ему по притче той: врачу, исцелися сам (Лук. 4, 23) [1, с. 53–54]. Поэтому, говоря о себе, но не возвышая себя над другими по сути приобретенного социального, имущественного и церковно-иерархического статуса (что является фактом для всех слушателей), автор-повествователь подчеркивает, что и создаваемый им текст он адресует прежде всего самому себе, вразумляет себя, а не других, напоминает себе о важнейших моментах христианского призвания в земной жизни.

Выводы и умозаключения автора сознательно представляются слушателям как «несобственные», а всецело опирающиеся на Священное Писание, т. е. на богодухновенное содержание другого текста, созданного другими авторами – пророками древности и святыми апостолами, повествовавшими также не от себя, а от Автора небесного, Творца, через них как через отрешающихся от собственной воли проводников Истины сообщившего людям «Глаголы вечной жизни». «Не обретаю я на сей час, – говорит Конисский, – для показания должности моей, приличнейшаго в Св. Писании места, как то, которое в пророчестве Иезекииелевом помещено. В оном Сам Бог первее такой пример приводит: земля, на нюже Аз аще наведу мечь Мой, и поймут людие земли человека единого от себе, и поставят его себе в стража на пределех: и узрит страж мечь грядущий на землю, и вострубит трубою, и проповесть людем, и услы-

шит услышавый глас трубы, а не сохранится, и найдет мечь и постигнет его, и кровь его на главе его будет» [1, с. 54].

Так возникает образ епископа-стража, «трубящего народу», т. е. проповедующего, предостерегающего народ от гибели за нарушение вневременного нравственного закона. На таком авторе лежит особого рода ответственность за судьбы бессмертных человеческих душ. Проповедуя, он исполняет обязанность, возложенную на него свыше. Ответственность же за конечный результат проповеди своеобразно переходит от пастыря на воспринимающих слово, поскольку автор здесь не гонит к Истине безвольных и неразумных существ, но только ответственно призывает к Ней людей, наделенных разумом и свободной волей, призванных сделать самостоятельный мировоззренческий выбор и только через это спастись. Его дело – «трубить», их дело – слушать, слышать и исполнять. Соответственно, если он не проповедует и они погибают, то их кровь на его совести, а если проповедует, а они все равно погибают, то их кровь уже не на его совести, а на них самих. Свой долг он исполнил, а потому чист «от крове» погибших.

Сообщая слушателям эту логику законов духовной жизни, Конисский подчеркивает не только высочайшую меру собственной ответственности за то, что и как он говорит и делает, но и то, насколько важным, судьбоносным для каждого слушателя является содержание предлагаемой проповеди – слово Высшего Автора: «Сие-то слово Божие, с того самага часа, как Епископский чин на мене возложен, не престае звенеть в ушах моих, и яко острое оружие, проходит до глубины сердца моего. Аще ям, аще пию, аще ино что творю, всечасно слышу глас сей: И ты, сыне чловеч, в стража дах ты дому Израилеву, и еже услышиши от уст Моих слово, проповеси им от Мене» [1, с. 54–55].

После «Слова при вступлении на паству» еще две воскресные проповеди в творчестве Конисского непосредственно связаны с темой его епископского служения. Они являются тематическим продолжением первого слова и в единстве с ним могут быть охарактеризованы как цикл или как законченный текстовый «триптих». Если лейтмотивом первого текста является мысль о пастырской необходимости неустанного проповедования Слова Божьего, т. е. Священного Писания Нового Завета, то второе и третье слово посвящены необходимости восприятия («слушания») и исполнения услышанного, что в целом определяет возможный путь личного духовного спасения человека.

Говоря о себе во втором слове, автор отсылает присутствующих к уже услышанному ранее и напоминает о его смиренной позиции «ретранслятора» смыслов более высокого порядка: «Христовы людие, да вы сами будете мне свидетели, что я себе не пощадел, учинившись учени-

ком прежде всех вас, даже прежде и малых детей ваших. Ныне к вам слово начать следует: ибо хочу добраго и послушнаго ученика дело сотворити» [1, с. 59]. Исполняя это дело послушного ученика и учителя одновременно, Георгий позволяет себе уточнение, что при всей вторичности его текста по отношению к Священному Писанию он все же имеет необходимость предложить им ряд собственных рассуждений о нем: «И хотя слово Божие самым именем своим, что оно есть Божие слово, самым происхождением своим, что оно есть кроткий глас милостивого Создателя к созданию Своему, есть писание Небесного Царя к человеку земным, – явно показывает о себе, сколь оно важно и нужно для нас: однако я и особливими еще доводами хочу утвердить истину того» [1, с. 59].

Автор предлагает слушателям упрощенную композиционно, но не содержательно систему доказательств необходимости обращения к тексту Священного Писания. Она состоит всего из двух частей, в которых автор-повествователь занимает различную позицию по отношению к воспринимающим, полагая в них самих различные же чувства и переживания, различную позицию. К тем из них, кто расположен к вере, кто имеет, по словам Георгия, «мягкое сердце», он обращается в умиленном тоне, как единомышленник, также очевидно осознающий необходимость богообщения: «Всяк конечно знает, – заключает Конисский, – всяк, кто христианское имя носит, что живот вечный нам, прегрешениями нашими мертвым бывшим, дан есть во едином Иисусе Христе: ибо кроме Иисуса, вопиют Пророки и Апостолы, несть иного имене под небесем данного в человецех, о немже подобает спастися» [1, с. 61].

Таковым слушателям-единомышленникам автор слова преподносит череду осязаемых образов из знакомой им земной жизни (яркие палаты, роскошные пиры, веселая музыка в проекции на более желанные и невыразимо более прекрасные образы жизни в Царствии Небесном с Господом. Это можно назвать в известном смысле образно-символической религиозной экзальтацией автора, к которой он с помощью художественных приемов символизации, сравнения и библейской метафоризации поднимает и слушателей, закрепляя это рядом риторических обращений и вопросов: «Где же, скажите, где найдете вы сие сокровище, если не в слове Божиим? Кто откроет тебе тайны онаго, если не проповедь истинных глаголов Господних?» [1, с. 61].

Напротив, обращаясь к слушателям иного толка, «непокорным и пререкающим», т. е. сомневающимся и оппонентам, Георгий изменяет тон елейного учителя на позицию сурового и даже пророчески грубова того критика. Он обличает сомнения и неверие, устрашая убежденных грешников вечными муками. Так, он восклицает: «Но горе неверствию их!» Или заключает: «А потому ежели кто, дерзая как бы считаться с Бо-

гом, мечтает, что ему нет нужды в вечном животе; то тем дознает для самого себя нужду в муке вечной, и становится должником геенны». Или осыпает возможных противников рядом риторических вопросов: «Что же горшее может быть для него, как оный пламень вечный, горнило оное горящее и никогда в пепел не обращающееся?.. Что может быть ужаснее червя онаго неусыпаемого, скрежета зубнаго, тмы вечной?» [1, с. 62].

И, наконец, в третьей проповеди – «Слове в неделю двадцать четвертую» – Конисский венчает свои рассуждения о пути спасения целым рядом доказательств необходимости не только слушания Слова, но и исполнения его. Доказательность умозаключений проповедника основывается, безусловно, на истинах самого Священного Писания, которое он проповедует и цитаты из которого творчески использует в каждом абзаце текста. При этом смысл проповедуемой подвижнической активности автору представляется уже столь очевидным, что он без обиняков реализует свой авторитет учителя перед учениками в призывной форме, наподобие следующим повелительным возгласам: «Внимайте убо себе, благочестивые слушатели, да не постигнет и вас сие грозное слово, внимайте купно и слову моему» [1, с. 66] или «Да не мыслит убо никто быти совершенным в вере единым слышанием закона Божия: а я, по долгу моему, теперь же хочу предохранить вас от сей суетной надежды, и покажу вам, каким наказанием подпадают те, кои хотя и слушают слово Божие, но отрекаются исполнять его» [1, с. 69].

Таким образом, личность автора в первых словах Георгия Конисского на Могилевско-Белорусской епископской кафедре представляется многогранной: говоря о себе как об исполнителе возложенной на него свыше обязанности быть учителем и стражем, проповедник похристиански смиряется перед волей Всевышнего и, будучи маститым профессором, унижает себя до положения послушного ученика. Однако реализация роли духовного наставника подталкивает его к необходимости авторитетно рассуждать о добре и зле, доказывать преимущества первого и пагубность последнего, уверенно увещевать и даже повелевать действиями паствы. При этом позиция проповедника усложняется тем, что его творческая личность имеет еще как минимум две проекции: на авторов текстов Священного Писания, которое, собственно, он и проповедует, и на главный источник всех священных и производных текстов – Всевышнего Логоса, автора всего сущего.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Слова и речи Георгия Конисского, Архиепископа Могилевского / ред. Могилев. епарх. ведомостей. – Могилев-на-Днепре : Скоропечатня и литогр. Я. Н. Подземского, 1892. – 470 с.